

Глобальная миграция

МИРОВАЯ МИГРАЦИЯ имеет многовековую историю, а на протяжении последних двухсот лет происходит свободная массовая миграция — то есть перемещения людей не по принуждению, как, например, рабов и работников по контракту. Причины этого движения не составляют большой тайны: сегодня, как и двести лет назад, люди стремятся улучшить свою жизнь. Изменилось лишь то, кто и откуда мигрирует.

В последние два столетия резко возросла как потребность жителей бедных стран переселяться в богатые страны, так и возможности потенциальных мигрантов оплачивать такие переселения. В XX веке увеличился разрыв между уровнем жизни стран третьего и первого мира, и стимулы к перемещению усилились. В то же время уровень образования и жизни в бедных странах повысился, а благодаря внедрению новых технологий существенно снизились транспортные расходы, что значительно улучшило возможности потенциальных эмигрантов оплачивать переезд.

Таким образом, все более бедным потенциальным мигрантам, живущим дальше всего от рынков труда с высокой заработной платой, со временем удавалось вырваться из ловушки бедности. Этот факт имеет отношение к эмиграции, но он повлиял и на иммиграцию, что, в свою очередь, привело к негативным политическим последствиям: по сравнению с коренным населением принимающей страны иммигранты из других государств со временем «потеряли в качестве» — по крайней мере, если судить по рыночной стоимости их труда в принимающих странах.

По мере того как бедные страны приступали к длительному процессу экономической модернизации, начал расти спрос на эмиграцию, а также увеличился популяционный резерв наиболее мобильных совершеннолетних молодых людей. В ходе модернизации каждая страна проходит этап демографического перехода: улучшение питания и состояния здоровья приводят к снижению детской смертности, увеличивая тем самым долю выживающих детей в об-

щей численности населения. Два десятилетия спустя такой прирост численности детей начинает выражаться в росте числа совершеннолетних молодых людей, то есть именно тех, кто лучше всего реагирует на иммиграционные стимулы.

Эти демографические события в значительной мере повлияли на массовое вытеснение малоимущих жителей европейских стран в конце XIX столетия, но еще более важную роль они сыграли в вытеснении бедных рабочих из стран третьего мира в страны первого мира в конце XX века. Такой демографический переход имеет и другую сторону: в богатых промышленно развитых странах старение населения приводит к нехватке рабочей силы; таким образом, иммиграционное притяжение стран первого мира усиливает эмиграционное вытеснение из стран третьего мира.

Таким образом, резкий рост массовой миграции в мире после 1960-х годов не должен казаться странным тем наблюдателям, которые принимают во внимание историю. Но чтобы по-настоящему понять значение массовой миграции в мире и представить дальнейшие перспективы, недостаточно рассматривать лишь несколько последних десятилетий. Мы должны оценивать настоящее по

Двухсотлетняя история массовой миграции позволяет заглянуть в будущее глобальных перемещений людей

Джеффри Дж. Уильямсон

Эмигранты из Европы ожидают разрешения на вход в Нью-Йорк, примерно 1900 год.

отношению к прошлому, уходящему вглубь истории более чем на два столетия.

Первая волна

Открытие американского континента стимулировало устойчивый поток добровольных мигрантов из Европы. Высокие транспортные расходы и серьезные риски, связанные с переездом, приводили к тому, что на это решались лишь самые обеспеченные и смелые. Большое значение имело и расстояние: чем более долгим был путь, тем выше были расходы и тем более явным — позитивный отбор. Тем не менее число таких добровольных мигрантов было незначительным по сравнению с числом оказавшихся на американском континенте по договору или по принуждению. До 1820-го года в Новый Свет переехало примерно 11,3 млн человек, 8,7 млн из которых составляли рабы из Африки. Другая крупная группа эмигрантов из Европы состояла из рабочих по контракту и осужденных, миграционные затраты которых брали на себя другие. Таким образом, принуждение и контракты были основными средствами, с помощью которых Новый Свет, испытывавший нехватку рабочей силы, привлекал рабочих до начала XIX века.

Однако затем начался переход к свободной миграции, который стал важным шагом в истории межконтинентальных переселений: доля свободных мигрантов в их общем числе повысилась с 20 процентов в 1820-х годах до 80 процентов к 1840-м. Сочетание стимулов, ограничений и различных мер, лежавших в основе такого перехода, имеет непосредственное значение для глобальной миграции сегодня.

В первые три десятилетия после 1846 года число эмигрантов в среднем составляло примерно 300 000 человек в год; за следующие два десятилетия их число возросло более чем в два раза и в начале следующего столетия превысило один миллион человек в год (см. рисунок). Перечень стран происхождения мигрантов тоже совершенно изменился. В первой половине столетия эмигранты в основном приезжали из более богатых регионов Европы — с Британских островов, а также из Германии. К середине столетия стала набирать силу волна эмигрантов из Скандинавии и северо-западной части Европы, а в 1880-е годы — из Южной и Восточной Европы.

Поддавляющее большинство этих эмигрантов направлялось на американский континент, в частности, в США. Иммиграция в США, начиная с 1846 года и до введения квот в 1920-е годы, по своему характеру очень напоминает общеевропейскую эмиграцию. С середины 1880-х годов значительное число эмигрантов устремилось в Южную Америку, главным образом в Аргентину и Бразилию, а в начале нового столетия — и

в Канаду. Другой поток мигрантов связал Великобританию с Австралией, Новой Зеландией и Южной Африкой. Тем не менее за период с 1906 по 1910 год США приняли 64 процента всех эмигрантов на американский континент (17 процентов пришлось на основного конкурента — Аргентину).

Важные миграционные процессы происходили также внутри Европы. Под влиянием первой промышленной революции миграция из Ирландии в Британию привела к тому, что к 1851 году в городах Британии проживало почти 9 процентов урожденных ирландцев. В 1890-е годы более половины всех итальянских эмигрантов направлялось главным образом во Францию и Германию. Еще один пример — перемещение из Восточной Европы в Германию и из Восточной Германии на запад. Такие передвижения повторяются даже сегодня. По мере снижения стоимости миграции из сельских районов Европы в портовые города на восточном побережье США резко возросла обратная миграция. По оценкам официальных органов США, в 1890–1914 годы обратная миграция составляла до 30 процентов от общего притока.

Насколько велика была такая массовая миграция для стран происхождения и принимающих стран? Показатели миграции, превышающие 50 человек на 1000 жителей за десятилетие, были характерны для Британии, Ирландии и Норвегии на протяжении последних десятилетий XIX века, а для Испании, Италии и Португалии — лишь к концу столетия. Согласно сегодняшним данным, более низкие показатели других стран были достаточно высоки. Показатели иммиграции в Новый Свет были даже выше, чем показатели европейской эмиграции; это является неизбежным арифметическим следствием того факта, что численность населения стран происхождения превышала численность населения принимающих стран. Во всех странах Нового Света, кроме Бразилии, в первое десятилетие 1900-х годов показатели иммиграции намного превышали 50 человек на 1000 жителей.

Миграционные показатели такого масштаба свидетельствуют о значительных экономических последствиях для рынков труда стран происхождения и принимающих стран. Это особенно важно, если учесть, что миграционные процессы, как правило, приводят к отбору тех, кто получит наибольшую выгоду от переезда, а именно — молодых совершеннолетних мужчин. Таким образом, доля рабочей силы в общей численности мигрантов намного превосходит долю рабочей силы в общей численности жителей страны, которую они покинули, а также населения, к которому они присоединились. Отсюда следует, что *показатели трудовой миграции* превосходили даже высокие показатели миграции населения.

Какой же оказалась доля населения иностранного происхождения в Европе и Новом Свете в конце XIX века? Перед самым началом Первой мировой войны странами с наибольшей долей жителей иностранного происхождения были Аргентина и Новая Зеландия, где она составляла примерно 30 процентов, тогда как в США — стране с самой крупной иммигрантской экономикой — эта доля была равна 14,7 процента (см. таблицу 1). Эти относительные показатели были заметно выше, чем сегодня, когда группы мигрантов гораздо равномернее распределены в экономике расширенного атлантического региона (Европа, Северная и Южная Америка, Австралия, Новая Зеландия и Южная Африка), а Западная Европа и Латинская Америка меняются ролями.

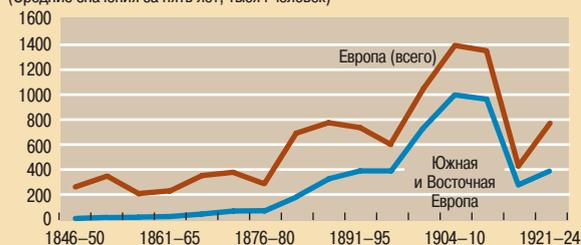
Жизненный цикл массовой эмиграции

В течение столетия после 1820-го года большинство из 60 млн европейцев эмигрировали в Новый Свет, чтобы избежать бедности, причем это происходило без помощи правительства или разрешений на работу для иностранцев. Голод и революции, возможно, стимулировали первую масштабную массовую миграцию в 1840-е годы, но именно глубинные

В движении

Число европейских эмигрантов возросло с 300 000 человек в год в 1846 году до более 1 млн человек в год к концу столетия, после чего наступил резкий спад, вызванный введением квот в США.

(Средние значения за пять лет; тысяч человек)

Источник: I. Ferenczi and W.F. Willcox, *International Migrations*, Vol. 1 (New York: National Bureau of Economic Research, 1929).

экономические и демографические факторы увеличивали каждую следующую волну. Если бы наша единственная цель заключалась в объяснении причин миграции такого большого числа европейцев в первое глобальное столетие, настоящая статья была бы очень короткой: в конечном счете, уровень жизни в принимающих странах, которые испытывали нехватку рабочей силы, был гораздо выше.

Почему же в странах происхождения эмигрантов обычно наблюдался определенный жизненный цикл миграции? То есть показатели эмиграции, как правило, резко поднимались с низких уровней, по мере того как в бедных странах происходило начало экономического развития, после чего рост замедлялся, показатели эмиграции достигали пикового уровня и впоследствии снижались. Данный упрощенный факт — образно говоря, жизненный цикл эмиграции, — в первом глобальном столетии фиксировался вновь и вновь. Что же за этим стоит?

«Первое глобальное столетие показывает, что история эмиграции из той или иной страны обычно проходит через два этапа: на первом ограничено «предложение» эмигрантов, на втором — «спрос» на них».

В доиндустриальные периоды низкие показатели эмиграции в стране сосуществовали с невысоким уровнем заработной платы: те, кому миграция могла принести наибольшую выгоду, находились в ловушке бедности. Таким образом, огромный разрыв между промышленно развитыми странами с богатыми ресурсами и высокой заработной платой, с одной стороны, и аграрными странами с бедными ресурсами и низкой заработной платой, с другой, был вполне совместим с низкими показателями эмиграции. С началом индустриализации в бедных странах возрос уровень реальной заработной платы, и ограничения на эмиграцию постепенно ослабли: все большее число потенциальных эмигрантов могло оплатить переезд. По мере развития этой тенденции резерв потенциальных мигрантов медленно иссякал.

Свою роль сыграл и демографический переход. Снижение уровня детской смертности, как правило, через 15–20 лет приводило к появлению более крупной группы мобильных совершеннолетних молодых людей, что еще больше способствовало эмиграционному буму. Кроме того, денежные переводы от ранее уехавших эмигрантов помогали оплачивать переезд оставшихся членов семей. Когда демографический переход достиг своей высшей точки, рост денежных переводов прекратился, а в странах происхождения в результате индустриализации увеличилась оплата труда, что позволило людям вырваться из ловушки бедности. Дальнейший рост реальной заработной платы на родине привел к снижению пикового уровня показателя эмиграции.

Таким образом, первое глобальное столетие показывает, что история эмиграции из той или иной страны обычно проходит через два этапа: на первом ограничено «предложение» эмигрантов, на втором — «спрос» на них. Первому этапу соответствует рост эмиграции, а также оплаты труда на родине. Но в какой-то момент оплата труда на родине становится достаточно высокой, финансовые ограничения становятся менее жесткими: дальнейший рост оплаты труда внутри страны по отношению к оплате труда за границей ослабляет стимулы к эмиграции, показатель эмиграции сни-

жается, и наступает этап, на котором преобладает сдерживание спроса.

Жизненный цикл эмиграции свидетельствует о том, что источник и «качество» иммигрантов со временем меняются. Развитие транспорта и промышленные революции, снизившие стоимость перемещений на большие расстояния, и миграционные затраты по отношению к годовому доходу на родине расширили пространство глобальной миграции. Большое число потенциальных эмигрантов из отдаленных областей Западной, Восточной и Южной Европы получили возможность уехать. Таким образом, по своему происхождению миграция сместилась в те страны, где современный экономический рост наступил позднее. Кроме этого, по мере того как каждая из этих стран проходила свой собственный жизненный цикл эмиграции, число людей, прибывающих из бедных стран, резко возрастало.

На смену мощному позитивному отбору, характеризовавшему глобальные процессы миграции в начале столетия, пришел *негативный отбор*. Это радикальное изменение подчинялось экономическим и демографическим законам движения и свидетельствовало о снижении качества иммигрантов, то есть стоимости их навыков на рынках труда принимающих стран, а также о еще более значительном снижении качества иммигрантов *по отношению к коренным жителям*, которые быстрыми темпами накапливали «человеческий капитал». Никогда не существовало явных доказательств дискриминации иммигрантов на рынке труда США, но до 1913 и после 1970 года они зарабатывали меньше, чем люди, рожденные в США. Почему? В среднем у иммигрантов более низкий уровень формального образования и обучения на рабочем месте, и они хуже знают английский язык и слабее разбираются в ситуации на рынке труда, чем те, кто родился в стране. Число иммигрантов заметно возросло в десятилетия до 1913 года и еще больше увеличилось после 1950 года.

Снижение относительного, а иногда и абсолютного качества иммигрантов во многом было связано с усилением негативных настроений по отношению к иммиграции в США. Рост иммиграции также способствовал укреплению отрицательного отношения к иммигрантам: коренные жители ощущали, что вновь прибывшие вытесняют их, поэтому в 1890-е годы антииммиграционные настроения усилились. В ответ на жалобы избирателей Конгресс США предложил Закон о грамотности, призванный отсеять иммигрантов из бедных стран; этот закон вступил в силу в 1917 году. После окончания Первой мировой войны сложилась обстановка, облегчившая принятие Конгрессом в 1921, 1924 и 1927 годах законов о квотах, которые носили еще более ограничительный характер, как и введение запрета на въезд выходцев из стран Азии. Другие принимающие страны с высокой заработной платой последовали примеру США, и столетие первой глобальной миграции завершилось.

Вторая волна

Ежегодная иммиграция в страны Северной Америки и Океании постепенно увеличивалась после Второй мировой войны до середины 1970-х годов, достигнув одного миллиона человек в год в 1990-е годы. К тому времени абсолютные показатели сравнялись с показателями столетней давности, но были меньше относительно численности населения и рынка труда, который должен был предоставить рабочие места приезжим. Таким образом, годовой уровень иммиграции в США снизился с 11,6 человека на 1000 жителей в 1900-е годы до 0,4 человека на 1000 жителей в 1940-е, а затем вновь возрос до 4 иммигрантов на 1000 жителей в 1990-е годы. Соотношение населения США, рожденного за границей, упало с пикового показателя в 15 процентов в 1910 году до абсолютного минимума столетия — 4,7 процента — в 1970 году. В результате

послевоенного иммиграционного бума доля рожденных за пределами страны достигла более 8 процентов в 1990 году и превысила 10 процентов в 2000 году. После полувекowego перерыва США вернули себе звание «страны иммигрантов».

Положение, аналогичное сложившемуся в США после Второй мировой войны, наблюдалось во всем мире (см. таблицу 1). В период 1965–2000 годов доля рожденных за границей на треть возросла в Океании (с 14,4 до 19,1 процента), более чем в два раза в Северной Америке (с 6 до 13 процентов) и более чем в три раза в Европе (с 2,2 до 7,7 процента). Разумеется, с учетом нелегальных иммигрантов доля лиц иностранного происхождения будет выше, а, возможно, будет зафиксирован и постепенный рост их числа.

Современный бум всемирной массовой миграции поражает тем, что он происходит на фоне столь враждебной иммигра-

ционной политики. До Первой мировой войны большинство массовых миграций происходило без виз, квот, предоставления статуса беженцев, нелегального провоза иммигрантов и без защитных барьеров. После Второй мировой войны *вся* массовая миграция осуществляется именно в таких обстоятельствах. Представьте себе, насколько более масштабной была бы сегодня мировая массовая миграция, если бы мы по-прежнему жили в век неограниченной миграции, которая была характерна для первого глобального столетия до 1913 года. Была бы она больше в два раза? В три? В пять?

С резким ростом мировой миграции снизилось качество иммигрантов с точки зрения рынка труда. Например, мужчины, иммигрирующие в США, в 1960 году зарабатывали на 4,1 процента *больше* мужчин, рожденных в США, но в 1990 году они зарабатывали уже на 16,3 процента *меньше*. До ассимиляции иммигранты всегда находятся в невыгодном положении с точки зрения оплаты труда, но начальная оплата их труда (по отношению к коренным жителям страны) в период с 1960 по 1990 год снизилась на 24 процентных пункта. Хотя средний образовательный уровень иммигрантов возрос, он повышался не так быстро, как у коренных жителей. Число вновь прибывших иммигрантов, имевших только среднее образование или даже более низкий его уровень, в 1970 году было на 5,6 процентного пункта выше числа лучше образованных коренных жителей, а в 1990 году уже на 20,4 процентного пункта выше — это почти *четырехкратный* рост.

Во многом такое снижение качества иммигрантов объясняется изменениями в структуре стран их происхождения (таблица 2) и отражает четыре крупномасштабных сдвига в схемах движения миграционных потоков за 50 с лишним лет, прошедших после окончания Второй мировой войны. Первый сдвиг состоит в снижении числа европейских эмигрантов, что частично может быть объяснено возобновлением миграции *внутри* Европы (включая Турцию): число иностранцев из других европейских стран возросло с 1,3 процента западноевропейского населения в 1950 году до 10,3 процента в 2000 году. Этот рост был бы еще выше, если бы учитывались натурализованные мигранты, родившиеся в других странах.

В более позднее время Западная и Южная Европа стали объектами иммиграции из Азии, Ближнего Востока и Африки. После распада СССР в 1990-е годы Западная Европа также принимала иммигрантов с Востока, в том числе из бывших советских республик. В результате этого чистая годовая иммиграция в страны Европейского союза после 1980-х годов резко увеличилась: сейчас она превосходит иммиграцию в США, а с учетом нелегальных иммигрантов эти показатели были бы еще выше.

Второй сдвиг — эмиграция из Восточной Европы. Этот традиционный поток из Восточной Европы в Западную имеет давнюю историю, но он практически полностью иссяк в результате послевоенной эмиграционной политики в странах с централизованной экономикой. Все существенно изменилось в 1980-е годы, после того как открылись границы Польши и Румынии, и еще более радикально — после падения Берлинской стены в 1989 году. В период с 1985 по 1989 год эмиграция из этих стран с переходной экономикой увеличилась в пять раз и до 1993 года составляла более миллиона человек в год, после чего несколько снизилась. В любом случае, представляется, что в Европе возобновилась давняя традиция миграции с востока на запад.

Третий сдвиг — это превращение Латинской Америки из одного из крупнейших мест назначения иммиграции в ее крупный источник. Судя по данным за первое глобальное столетие, бедные аграрные страны с низкой заработной платой по мере перехода к индустриальному обществу должны отправлять большее число эмигрантов, но на определенной стадии, когда процесс индустриализации продолжается и заработная

Таблица 1

Иммиграционный «котел»

Привлекательность Западной Европы как места назначения иммиграции растет по мере снижения интереса к Латинской Америке.

(Доля лиц иностранного происхождения в процентах)

	1870–71	1890–91	1910–11	2000–01
Европа				
Германия	0,5	0,9	1,9	8,9
Франция	2,0	3,0	3,0	10,0
Великобритания	0,5	0,7	0,9	4,3
Дания	3,0	3,3	3,1	5,8
Норвегия	1,6	2,4	2,3	6,3
Швеция	0,3	0,5	0,9	11,3
Новый Свет				
Австралия	46,5	31,8	17,1	23,6
Новая Зеландия	63,5	41,5	30,3	19,5
Канада	16,5	13,3	22,0	17,4
США	14,4	14,7	14,7	11,1
Аргентина	12,1	25,5	29,9	5,0
Бразилия	3,9	2,5	7,3 ¹	

Источник: Williamson and Hatton, 2005.

¹Число иностранных граждан в 1900 году.

Таблица 2

Иммиграция в США по странам происхождения

Почти половина иммигрантов в США в настоящее время приезжает из Латинской Америки — резкий прирост по сравнению с 1950-ми годами, когда доля латиноамериканцев составляла примерно 20 проц. (В процентах к итогу)

Регион происхождения	1951–60	1961–70	1971–80	1981–90	1991–2000
Европа	52,7	33,8	17,8	10,3	14,9
Западная	47,1	30,2	14,5	7,2	5,6
Восточная	5,6	3,6	3,3	3,1	9,4
Азия	6,1	12,9	35,3	37,3	30,7
Американский континент	39,6	51,7	44,1	49,3	49,3
Канада	15,0	12,4	3,8	2,1	2,1
Мексика	11,9	13,7	14,2	22,6	24,7
Страны Карибского бассейна	4,9	14,2	16,5	11,9	10,8
Центр. Америка	1,8	3,1	3,0	6,4	5,8
Южная Америка	3,6	7,8	6,6	6,3	5,9
Африка	0,6	0,9	1,8	2,4	3,9
Океания	0,5	0,8	0,9	0,6	0,6
Всего (млн)	2,5	3,3	4,5	7,3	9,1

Источник: Служба гражданства и иммиграции США, 2003 год.

Примечание. Национальное происхождение определяется по последней стране проживания. Итоговые показатели включают 2,7 млн бывших незаконных иммигрантов, получивших статус постоянных жителей по Закону об иммиграционной реформе и регулировании иммиграции 1986 года. Из них 1,3 млн прибыли в 1981–1990 годы и 1,4 млн — в 1991–2000 годы.

плата повышается, они обязаны удерживать своих жителей и начинать принимать иммигрантов. Латинская Америка является исключением из этого правила: в 1960 году она приняла 1,8 млн иммигрантов (в чистом исчислении), а в 1980 году отправила за границу 1,8 млн своих жителей (в чистом исчислении). Объяснением такого уникального изменения динамики является, видимо, наличие у Латинской Америки более богатого и быстрорастущего северного соседа.

Четвертый и самый масштабный послевоенный сдвиг, повторяющий жизненный цикл миграции первого глобального столетия, заключается в увеличении числа иммигрантов из стран Азии, Африки и Ближнего Востока; их число увеличилось настолько, что из небольшого ручейка превратилось в наводнение. Начало индустриализации и демографический переход позволяют вырваться из ловушки бедности и дают дорогу волне эмиграции. Так восточноазиатское «чудо» поначалу способствовало потоку эмиграции, который затем замедлился, достиг пика и впоследствии спал по мере прохождения процесса модернизации. Ближневосточный жизненный цикл задержался, как и развитие региона в целом. В Африке, где рост доходов на душу населения в последние пятьдесят лет не оправдывает ожиданий, жизненный цикл задержался в еще большей степени.

В первое глобальное столетие демографические бумы и ранние промышленные революции породили волну эмиграции из бедных стран, а демографические кризисы и зрелые промышленные революции стали причиной сокращения эмиграции из сравнительно богатых государств. Снижение транспортных расходов и появление денежных переводов усилили эти тенденции, и постепенно роль позитивного отбора уменьшилась: возможность оплачивать переезд появилась у самых бедных лишь в конце первого глобального столетия, по мере того как их доходы на родине росли, а стоимость проезда снижалась. Те же силы действуют и в современную эпоху, хотя они уже *подкрепляются* целенаправленными мерами. В США в 1965 году такие меры включали отмену квот в зависимости от страны происхождения, снятие запрета на иммиграцию из Азии, переход к общемировой квоте; кроме того, особое значение придавалось воссоединению семей как основному критерию допуска. Австралия, Канада и другие промышленно развитые страны тоже установили равные правила игры для стран происхождения, но воздействие на состав иммигрантов в этих государствах было не столь разительным, как в США.

Чего можно ожидать?

Итак, позволяют ли два глобальных столетия миграции — до 1913 и после 1950 года — судить о будущем глобальной миграции? Представляется, что да.

Хотя жители самых бедных стран никогда не были вовлечены в массовую миграцию, понятно, что европейская эмиграция XIX века снизила их уровень бедности. Действительно, уровни жизни стран назначения и происхождения за эти десятилетия сблизились, и во многом благодаря именно массовой миграции. То есть мировая массовая миграция была *гораздо* более важным фактором такого сближения, чем процветающая мировая торговля и быстро развивающиеся мировые рынки капитала в первое глобальное столетие. Если этого нельзя сказать о современной Азии, Африке, Ближнем Востоке и Латинской Америке, причина не в том, что воздействие мировых рынков капитала и мировой торговли в этих странах является более мощным, а скорее в том, что эмиграция здесь гораздо менее масштабна по отношению к многочисленному населению, которое отправляет своих граждан в принимающие страны с высокой заработной платой. То есть страны происхождения в третьем мире по сравнению с принимающими странами имеют значительно большее население, чем имели европейские страны, отправлявшие своих

эмигрантов до 1913 года. Таким образом, те же самые показатели иммиграции в принимающей стране сегодня означают гораздо меньшее число эмигрантов, чем сто лет назад.

В первое глобальное столетие эмиграция во многом способствовала повышению уровня жизни в бедных странах происхождения. Во второе глобальное столетие эмиграция *могла бы* способствовать повышению уровня жизни в бедных странах происхождения, однако, как правило, этого не происходит. В чем причина? Во-первых, успешное развитие в бедных странах сегодня в гораздо большей степени зависит от возможности сбалансировать быстрый рост производительности и уровень жизни населения внутри страны; во-вторых, современные богатые страны больше не держат свои границы открытыми.

Если сегодня выгоды от мировой массовой миграции могут быть большими, чем в первое глобальное столетие, почему в промышленно развитые страны не пускают многих потенциальных мигрантов? Ответ на этот вопрос в основном связан с экономической адаптацией в принимающей стране и с тем, кто именно осуществляет адаптацию. Таким образом, это связано с экономическим ущербом, который наносится низкоквалифицированным коренным работникам и их политическому влиянию. Эти факторы сыграли главную роль, когда США, Австралия, Аргентина и другие страны с высокой заработной платой перед началом Первой мировой войны отказались от неограниченной иммиграции. Такую же роль играют данные факторы и сегодня. Современные ограничения иммиграции также связаны с непосредственным влиянием иммигрантов на налоги и бюджет, с теми, кто несет соответствующие расходы, и с политическим влиянием налогоплательщиков. В первое глобальное столетие данная проблема не рассматривалась при обсуждении иммиграции, так как еще не существовало государства всеобщего благосостояния.

Тем не менее требования мигрантов обеспечить им въезд в страны с высокой заработной платой не будут расти непрерывно. Действительно, маловероятно, что они будут возрастать так же быстро в течение следующей четверти века, как за прошедшие двадцать пять лет. По мере того как глубинные *переходные* силы, которые стимулировали волну эмиграции, а также демографические и промышленные революции в странах третьего мира, будут иссякать, станут ослабевать и стимулы к эмиграции. На данной стадии находится большинство стран Восточной и многие страны Юго-Восточной Азии — регионы, которые уже не демонстрируют чудеса экономического роста. А впечатляющий рост в Китае и Индии указывает на то, что вскоре эта стадия будет достигнута и в этих двух самых населенных странах Азии. Я полагаю, что даже страны Латинской Америки и Ближнего Востока, в которых экономический рост идет более медленными темпами, вскоре приблизятся к этому этапу. Африке еще предстоит выпустить массовую волну эмигрантов на мировые рынки, и ситуация здесь пока непредсказуема. Старение населения в постиндустриальной части мира может увеличить спрос на труд иммигрантов, но замедление роста в принимающих странах, скорее всего, нейтрализует этот спрос.

Полагаю, что следующий масштабный сдвиг в глобальной миграции будет вызван ярко выраженным относительным ростом миграции *внутри* третьего мира (миграция с юга на юг), а также резким относительным снижением миграции *из* стран третьего мира на запад (миграция с юга на север). ■

Джеффри Дж. Уильямсон — профессор экономики по фонду Лэйрда Белла в Гарвардском университете. Данная статья в значительной мере основана на материале книги, написанной им в соавторстве с Тимоти Дж. Хаттоном, "Global Migration and the World Economy: Two Centuries of Policy and Performance" (Cambridge, Massachusetts: MIT Press).